

Вырезка из газеты

МОЛОДОЙ
КОММУНАР

от 26

АПР 1983

г. Воронеж

ТЕПЛО КАМИНА НАРИСОВАННОГО

— Где я могу найти педагога ТЮЗа Галину Владимировну Божевец? — остановила я вопросом тоненькую девушку с длинной до пояса косой, по виду старшеклассницу.

— Вы ее уже нашли, — девушка улыбается, не впервые, видно, произведенному эффекту.

— Хотите понять, в чем заключается моя работа? — собеседница на секунду задумывается. — Знаете, это объяснить и просто, и сложно. Просто — на словах, сложно — на деле. Некоторые думают, привел ребят, усадил в зале — и пусть смотрят: искусство, мол, само сделает свое дело. Но то-то и оно, что детей, особенно малышей, надо учить всему, начиная с поведения, не говоря уже о тонкостях театрального восприятия.

Что тут можно сделать? Беседы до и после встречи с театром, обсуждения увиденного с участием актеров, всякие творческие конкурсы. Например, на лучший рисунок по теме спектакля. Недавно такой конкурс был проведен в 47-й школе после «Судьбы барабанщика».

Одни — конкретные сцены, причем с точностью буквально до мелочей (даже форму и цвет абажура правильно передали). Другие — навеянные спектаклем образы. После всего этого, я уверена, у ребят надолго останется память о спектакле, и поймут они его намного глубже...

— Знаете, я когда только пришла работать в ТЮЗ, даже растерялась: 87 школ в городе! Шутка ли? Тогда взяла карту Воронежа и все школы разноцветными кружками обозначила. Красным — те, с которыми у ТЮЗа хороший контакт налажен, синим — такие, где у ребят никакой театральной подготовки. Вот с тех пор и воюю за красный цвет на этой карте. Хотите взглянуть?..

На втором этаже в маленькой уютной комнатке висит театральный занавес, ниспадающий с потолка до пола. В центре его — огонь. Взвиваются вверх «языки», пламени, а красная подсветка усиливает впечатление, что в комнате — камин. Конечно, и очаг, и занавес просто нарисованы на стене. («Как в каморке папы Карло», — шу-

тит Галья), но так искусно, что хочется поудобнее устроиться рядом и протянуть к огню руки.

— Знаете, сколько порой приходится повозиться, чтобы один синий кружок снять? До сих пор помню один свой визит в такую школу.

Захожу в актовй зал — пусто. Потом слышу топот, ведут ребят. Я не оговорила, не сами они идут, а их ведут учителя, чуть ли не за руку. Это старшеклассников! И еще реплики слышу:

— Когда кончится-то?

— Да кто его знает?

— Скорей бы!

Наконец все рассаживаются по местам. И в зале становится тихо. И все вроде бы смотрят на меня. Но я чувствую в этой тишине и взглядах не интерес и даже не внимание, а пустоту и безразличие. Кто к ним пришел, с чем, — все равно, лишь бы побыстрее отпустили по домам. А на задних рядах там вообще вниз смотрят, видно, за детективы взялись. Как тут вести встречу? Говорить то, что накануне тщательно подготовила? Это будет «глас вопиющего в пустыне». А тут еще входная дверь не полностью закрыта и скрипит, и в этом тягучем скрипе слышится мне: «Не полу-учится у тебя, не полу-учится!»

Рискунула начать заранее незапланированное. О своих встречах с ребятами одной из школ Лондона (я в Англии практику от пединститута проходила). О том, как интересно было с юными англичанами общаться, как сумели они поддержать разговор, когда речь зашла о театре, какие своеобразные и довольно глубокие суждения я от них услышала.

Рассказываю, а сама замечаю, первые ряды «просыпаться» стали. Уже ничего. Еще галерку от детективов оторвать, и будет вполне сносно. Впрочем, вскоре удалось и это: И уже весь зал не просто слушал, — слышал то, что я хотела до них донести.

В общем, говорила я два часа. Ребята даже на звонки не обращали внимания, а к скрипучей двери приставили долговязого мальчишку: «Держи, мол, ее крепче, а то слушать мешает». А когда после встречи со всех сторон стали сыпаться вопросы, я это уже посчитала своей маленькой победой, ведь у безраз-

личных людей вопросов не возникает...

Знаете, какую историю напоминают мне ступеньки, по которым мы сейчас поднимаемся?

С детства я мечтала стать учительницей, и, когда поступила в педагогический институт, это никого не удивило. Не было для меня предмета интереснее и любимее, чем педагогика. Но вот, в конце второго курса, познакомилась я с ТЮЗом. И он покорила меня и талантливой игрой артистов, и необыкновенно дружелюбной атмосферой по отношению к зрителям.

— Сколько лет работаем, такого «ненормального» зрителя, чтобы ни одного спектакля не пропустил, в первый раз видим, — перешептывались за моей спиной билетерши. Но, видно, моя преданность театру тронула и их. И повздохав: «Она же, наверное, бедняжка, всю стипендию на билеты тратит», — стали пускать запросто, как свою. Но только все наладилось, как вдруг вижу объявление — «Прощальный спектакль».

— Что такое, почему? Оказывается — закрытие сезона. Я совсем забыла, что это непременно когда-нибудь должно случиться.

— Галья у нас «заболеда» театром, — шутила дома мама. Но мне было не до шуток. И «выздоровела» я только тогда, когда 4 октября вновь открылся занавес, возвещая начало нового театрального сезона.

Я почувствовала себя в этот момент совершенно счастливой, и, наверное, впервые поняла, что театр для меня — не просто увлечение, которое вспыхивает и гаснет, театр для меня — это серьезно...

Я слушала Галину и с грустью думала: «Да, не было в моем детстве такого вот проводника в мир искусств. И может быть, поэтому яркое, но отрывочное знакомство с театром так и не переросло тогда в глубокий интерес к нему. Ну, а нынешним школьникам, можно сказать, повезло. Я верю, что исчезнут синие кружки на карте уютной комнате с нарисованным камином, где хочется придвинуться поближе к огню и слушать, слушать...

Л. МАРЬЯНОВСКАЯ
[наш внешт. корр.]